

возможно, наметить главные тенденции аграрного развития и (естественно, в соответствующей мере) внешнеторгового обмена, мы располагаем довольно широким и разнообразным кругом источников (статуты и частно-правовые акты городских общин, сербские грамоты и т. п.). Их сведения, пусть нередко фрагментарные, разработанные, дают большей частью надежный и интересный материал, хотя, разумеется, степень их подробности и многочисленность вовсе не одинаковы на протяжении всего рассматриваемого нами периода.

Так, в частности, хуже всего освещен историческими источниками весьма бурный в политической истории южной Далмации конец XII в. Если даже о важнейших политических изменениях той поры мы нередко можем судить лишь по фрагментным материалам, то тем более случайными оказываются отдельные свидетельства о хозяйстве данного района. На основе этих сведений (в сопоставлении с материалами XIII и первой половины XIV вв.) мы можем предполагать, что здесь было развито земледелие, дополнением которого служили скотоводство и рыболовство, что интенсивные культуры (виноград и маслины), имевшие античную традицию, занимали важное место в занятиях местного населения. В то же время можно допустить, что в ту пору южная Далмация переживала экономический застой, а признаки известного подъема и оживления намечаются только в 80-х годах XII в., в связи с присоединением Приморья к государству Неманичей и тем самым — ликвидацией разобщенности и отрыва городов Приморья от их естественного хинтерланда, в результате возобновления торговли с Зетой и Сербией.

Весьма любопытно в этой связи сравнить два источника второй половины XII в. В известном сочинении арабского географа Идриси (1153) перечислены основные города Далмации — Ульцинъ, Бар, Котор, Дубровник, Стон, Сплит и др.³ Однако показательно, что ни об одном из них Идриси не говорит в таких хвалебных тонах, с таким восхищением богатством их окрестностей, как это он делает, например, применительно к Охриду, Скопье, Нишу, Струмице, Зихне и пр.⁴ По нашему мнению, было бы опрочетливо такое резкое различие в описании Идриси относить лишь за счет нехватки у него сведений о приморских районах; скорее всего, сочинение Идриси отразило явную экономическую стагнацию южной Далмации, о которой мы можем судить и на основании одного византийского памятника.

Мы имеем в виду весьма важное указание Евстафия Солунского о вывозе хлеба из Византии (в конце XII в.) в Италию, Сицилию, а также в другие районы Адриатики — «вплоть до Иллирика»⁵. В данном случае, вероятно, допустимо предположение, что Евстафий Солунский подразумевал вывоз зерна из Византии в южную Далмацию, а также, видимо, во внутренние районы Зеты и даже пограничные пределы Сербии (Рашки). Объединение всех этих земель под эгидой сербского великого жупана Стефана Немани, по всей видимости, оказало уже в 80-х годах XII в. определенное влияние на торговые связи разных областей, на их специализацию (т. е. — применительно к южной Далмации — на роль и значимость местного виноградарства и виноделия).

Об этом, как нам кажется, позволяют судить свидетельства широко известных источников конца XII в., которые до сих пор вовсе не использовались в плане экономической истории той эпохи. Речь идет, в частности, о рассказах немецких летописцев III крестового похода, описавших встречу сербских правителей, Стефана Немани и его брата Страцимира, с Фридрихом I Барбароссой в Нише (в 1189 г.). Как известно,

³ Б. Недков. България и съседните ѝ земи през XII век според «Географията» на Идриси. София, 1960, стр. 35.

⁴ Там же, стр. 37—43, 71.

⁵ См. А. П. Каждан. Братя Айофеодориты при дворе Мануила Комнина. — ЗРВИ, кн. 9, 1966, стр. 91—92.